

Повседневная жизнь человека в самоизоляции

Аннотация. В статье исследуются изменения, возникшие в повседневной жизни человека из-за COVID-19. По мнению автора, ежедневные действия и поведение человека, вызванные пандемией, приобрели характер привычности, стали типичными и являются сегодня повседневной реальностью. Особое внимание уделено анализу таких понятий, как повседневность, частная жизнь, коммуникационные формы поведения человека частного, дом.

Ключевые слова: повседневность; повседневная жизнь человека; частная жизнь; приватность; дом; самоизоляция.

Пандемия COVID-19, длящаяся больше года, всколыхнула глобальный мир, что неизбежно отразилось на повседневной жизни человека. Сегодня повседневную жизнь человека определяют нормы и правила поведения, обязательные для исполнения каждым: введение и сохранение режима вынужденной самоизоляции, часто ограничивающего человека в его деятельности и в осуществлении намеченных планов; соблюдение предписанных правил поведения в общественных местах и на рабочем месте: контроль за состоянием здоровья, обязательное ношение средств индивидуальной защиты и соблюдение санитарно-гигиенических правил, соблюдение социальной дистанции; отказ от необязательных передвижений и личных контактов, что, конечно, не исключает их, но все же ограничивает возможности коммуникации и меняет их характер. Ежедневная сложная и непрерывная борьба с распространением нового опасного и малоизученного заболевания заставляет человека быть внимательным не только к собственному здоровью, но также быть ответственным за здоровье и жизнь других людей. Процессы, вызванные пандемией, повлияли на повседневную жизнь и, можно сказать, стали повседневностью, превратившись в повторяющиеся рутинные события и практики.

Исследования повседневности в настоящее время дают нам широкий диапазон подходов и определений, раскрывающих содержание данного понятия.

И. Т. Касавин, анализируя повседневность, пишет, что повседневность, по определению своему, первична и безусловна для всех людей и практически всегда. «Повседневность – это все то, что происходит изо дня в день, происходит подряд сколько-нибудь длительный срок и регулярно повторяется. Повседневность – это природно-телесное и лично-общественное бытие / поведение человека; оно же – необходимая предпосылка / общий компонент всех остальных форм людской жизнедеятельности, т. е. тех ситуаций жизни, областей деятельности, которые по категориальному контрасту можно назвать вне- или же сверхповседневными» [8, с. 22]. И. Т. Касавин также отмечал, что содержание понятия «повседневность» не столь прозрачно, как может показаться на первый взгляд [8, с. 14].

Отмечая сложность понятия «повседневность» и его специфику, социолог и историк Н. Элиас в своей статье «О понятии повседневности» использовал противоположные понятия, т. е. понятия, которые повседневностью не являются. Он обозначил сферы, которые обычно противопоставляются повседневной жизни, для того чтобы уточнить, какие именно аспекты повседневности имеются в виду в

---

* Елена Анатольевна Калистратова, секретарь аспирантуры, ст. преподаватель АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: kalistratovae@mail.ru

том или ином случае. Элиас предложил восемь пар понятий, определяя категорию «повседневность» через ее противоположность – «не-повседневность»: 1) повседневность как противоположность празднику; 2) повседневность (рутина), в отличие от чрезвычайных, нерутинизированных сфер общества; 3) повседневность как жизнь народных масс – в противоположность жизни высокопоставленных и могущественных лиц (королей, президентов, членов правительства, партийных лидеров и т. д.); 4) повседневность (рабочий день) – в противоположность праздности (например, жизни буржуа, живущих в роскоши); 5) повседневность (сфера будничных событий) – в отличие от того, что считается единственно достойным изучения в традиционной политической истории: великих событий, действий государства и его правителей; 6) повседневность (частная жизнь: семья, любовь, дети) в противоположность официальной или профессиональной жизни; 7) повседневность как сфера естественного, спонтанного, неотрефлексированного переживания и мышления – в отличие от сферы рефлексии, искусственного, и особенно научного, опыта и мышления; 8) повседневность как обыденное сознание, т. е. идеологизированное, наивное, непродуманное, ложное мышление – в отличие от настоящего, правильного, истинного сознания. Н. Элиас видел сложность определения повседневности еще и потому, что «структура повседневности не обладает характером более или менее автономной особой структуры, но является составной частью структуры данного социального слоя и – поскольку его нельзя рассматривать изолированно – частью властных структур всего общества» [13, с. 10–11].

Следует сказать, что многие авторы, следуя целям своего исследования, противопоставляют повседневность другим сферам человеческой жизни. Так, например, Ю. М. Лотман противопоставлял обычное, каждодневное, бытовое поведение, которое самими членами коллектива воспринимается как «естественное», единственно возможное и нормальное, всем видам торжественного, ритуального, внепрактического поведения: государственного, культового, обрядового, воспринимаемого самими носителями данной культуры как имеющее самостоятельное значение [15]. Ж. Бодрийяр повседневность – обыденную, текущую жизнь – противопоставлял историческому и политическому с их абстрактной событийностью [5, с. 47].

По мнению Б. Вандельфельса, повседневность является «дифференцирующим понятием, которое отделяет одно явление от другого. Границы и значения выделенных сфер изменяются в зависимости от места, времени, среды и культуры». При этом он также отмечал, что «обыденная жизнь не существует сама по себе, а возникает в результате процессов “оповседневнивания”, которым противостоят процессы “преодолевания повседневности”. Речь о повседневности не совпадает с самой повседневной жизнью и с речью о повседневной жизни» [6, с. 40–41].

В то же время повседневность называют особой сферой жизни, а именно жизненной средой человека, сферой непосредственного потребления, удовлетворения материальных и духовных потребностей и связанных с этим обычаев, ритуалов, форм поведения, привычек сознания [23, с. 95]. Повседневность – это также человеческая жизнь, рассмотренная с точки зрения тех функций и ценностей, которые плотно заполняют жизнь личности, включая труд, быт, отдых, передвижения и т. д. Повседневность постоянно воспроизводится как мощный пласт отношений, ценностей, как постоянная система человеческих забот. Это неизбежно заставляет все сферы деятельности общества, выходящие за рамки повседневности, например государственность, вписываться в нее или, наоборот, подавлять ее в условиях авторитарных версий псевдосинкретизма [2].

Повседневность не автономна, в ее пространстве сходятся «линии жизни» всех сфер человеческого бытия: «и православные, и мусульмане, и атеисты, и

патриоты, и западники ходят в магазины, все они страдают от инфляции, все оплачивают услуги ЖКХ, возмущаясь постоянно растущими тарифами, все пользуются мобильными телефонами, смотрят телевизор, водят автомобиль, гуляют с собачками, их дети ходят в школу и детский сад и т. д.». Повседневность – это «наше все» вперемежку со всем «не нашим», хотя у каждого и то и другое все равно свое, потому что существует и та часть повседневности, которая протекает дома, в четырех стенах, и практически не пересекается с иными эманациями повседневной жизни [12].

Многозначность и непрозрачность содержания понятия «повседневность» постоянно требуют своего определения и переопределения через «внеобыденные моменты и сферы жизни и мысли» [8, с. 15]. Поэтому закономерным выводом можно считать утверждение М. М. Крома, что «универсального, на все случаи жизни пригодного понятия “повседневность” просто не существует. Это условная конструкция, и она возникает в тот момент и приобретает такие очертания, когда и какие разграничения мы проводим между сферами общественной жизни» [13, с. 12].

Наш анализ повседневной жизни человека связан с исследованием повседневности как жизни частной. Следует отметить, что для повседневности онтологически характерна ее отнесенность к частной жизни, приватному; к той сфере времени и пространства, которые свободны от служебных, общественных и прочих внешних обязанностей; нечто противостоящее публичному, официальному, институализированному [8, с. 17]. Повседневность зачастую отождествляют с частной жизнью, противопоставляя частное открытой общественности [11, с. 157]. Правда, социолог П. Штомпка утверждал, что повседневность не является синонимом частной жизни и не противостоит публичной жизни. Штомпка отмечал, что повседневность охватывает обе эти сферы – и частную, и публичную жизнь – даже в том случае, если участвующие акторы различаются: «Для политиков, журналистов, активных граждан и даже для большинства людей во время выборов действия в публичной сфере столь же повседневны, как любые приватные события. Произносить или слушать политическую речь, отдавать свой голос не отличается в этом плане от обеда с друзьями, похода в кино или участия в семейной встрече» [24]. Поэтому повседневность является более широким понятием, чем повседневность, взятая в значении «частная жизнь».

Под частным мы понимаем всё, что связано с личными интересами и делами человека. Частная, или приватная, жизнь – сфера физической и духовной жизнедеятельности человека, которая находится вне государственного и общественного интереса. При этом частная жизнь, будучи потенциально свободной от внешнего управляющего воздействия, контролируется человеком как на уровне обыденного сознания, так и подсознательно. Определение «частная» предполагает отграничение внутрличностной сферы бытия человека от внешней, в том числе публичной, жизни [17, с. 408–409]. Кроме того, приватное определяется как те аспекты жизни и деятельности, куда человек имеет право не допускать других, т. е. не то, что исключают публичные институты, а то, что сама личность предпочитает держать подальше от публичного внимания [10]. Исследователи правовых аспектов частной жизни, ссылаясь на фундаментальный труд Алана Вестина «Приватность и свобода», выделяют четыре формы проявления приватности: уединение, интимность, сдержанность и анонимность. Каждая из этих форм, в свою очередь, формирует определенную модель коммуникационного поведения человека частного.

Уединение соответствует приватно переживаемому состоянию души, которое выражается в интуитивном стремлении человека к избавлению себя от внимания со стороны внешних наблюдателей.

Интимность предполагает добровольное поддержание человеком контакта с узким кругом избранных лиц.

Сдержанность обусловлена наличием определенного психологического барьера между индивидом и окружающими его людьми.

Анонимность выражает стремление человека, находящегося в окружении людей, оставаться не узнаваемым ими [17, с. 408–409].

Коммуникационные формы поведения человека частного, перечисленные нами выше, мы повседневно можем наблюдать и в публичных пространствах: на городских улицах и площадях, в кинотеатрах и гипермаркетах, в общественном транспорте и в учебных аудиториях. Обособление, молчание в публичных местах, уверенность в существовании индивидуальной границы, в своем праве пребывать в одиночестве. Такое поведение человека Р. Сеннет назвал культом интимности. Причину этого явления – «болезни», «недуга» – Сеннет видел в разрушении публичного пространства под воздействием индустриального капитализма и секуляризации, которые сформировали новую светскую городскую культуру. Отличительной чертой нового порядка Р. Сеннет считает нарциссизм – способ существования, когда реальность представляет интерес лишь в случае если затрагивает самого актора. Каждое мгновение воспринимается как опыт, в котором человек ищет собственное отражение, и опыт становится непрерывным и пустым: «мы слишком поглощены собой, нам крайне сложно понять принцип приватного» [10]. Р. Сеннет под нарциссической самопрезентацией в общественных пространствах подразумевал поведенческий аскетизм актеров, отсутствие у них желания коммуницировать, отгораживание, отстранение, анонимность, неучастие, пассивность. Е. Г. Трубина отмечала, что с Р. Сеннетом солидарны Р. Барт и С. Бенхабиб, которые считают, что «причина редукции либо полного отсутствия публичной сферы сегодня состоит в ее поглощении сферой приватного. Граница между интимностью и публичностью стерта, и публичная сфера предстает как сфера нарциссической самопрезентации. Р. Барт назвал эту “публичность приватного” “новой общественной ценностью”» [20, с. 574]. Сегодня, «по-видимому, имеет место новое определение общественной сферы как сцены, где перед всем обществом разыгрываются частные драмы» [4, с. 77].

Проявлением этой тенденции становятся разнообразные способы презентации и самопрезентации, которые мы можем наблюдать благодаря телевидению и киберпространству. Телевидение способно почти все сделать публичным, доступным, показным, когда мало что остается скрытым из виду [21]. Приватные темы и события личной повседневной жизни пользователей Интернета также имеют характер публичности: их постят, ими делятся, их озвучивают, фиксируют, презентуют. Их смотрят, читают, ставят лайки, делают перепосты, обсуждают. Приватная сфера становится предметом обсуждения, что, безусловно, делает открытой и интересной, ценной и значимой повседневную жизнь любого человека. Но в то же время такая публичность способна обесценивать актуальные события общественной жизни, поскольку «в центре онлайн-обсуждения чаще всего оказывается “мир очевидностей”, и порой ничего не значащие “события”, например увиденный пейзаж или съеденный обед». Поэтому, как пишет А. В. Дроздова, «происходит фрагментация “повестки дня”, в которой частное, приватное начинает преобладать над публичным, вытесняя на периферию важные и насущные социальные проблемы из сферы сетевого сотрудничества» [7, с. 176]. Как отмечал З. Бауман, «современный мир как в онлайн, так и в офлайн превратился в индивидуализированную и приватизированную версию событий, состоящую из “нескончаемой череды занятий, в центре коих мы сами, наши собственные мысли о себе”» (цит. по: [7, с. 176–177]).

З. Бауман считал, что для жизни современного общества – общества индивидов – характерно запустение общественного пространства, и особенно *агоры*, того самого места, «где пересекаются общественное и частное, где “житейская политика” знакомится с Политикой с большой буквы, где частные вопросы переводятся на язык общественных задач и где изыскиваются, обсуждаются и согласовываются общественные решения частных проблем» [3, с. 136]. «“Частное” вторглось на территорию общественного, но отнюдь не для того, чтобы взаимодействовать с ним. “Частные” проблемы, даже когда они подробно обсуждаются на публике, не обретают нового качества; “частное”, скорее, только укрепляется в своем частном характере. Телевизионные откровения “простых людей”... и “экслюзивные” газетные сплетни о личной жизни звезд шоу-бизнеса, политиков и других знаменитостей становятся публичными уроками, подтверждающими пустословие общественной жизни и доказывающими тщетность надежд, связанных с чем-то менее частным, чем частные проблемы и частные методы их решения. Сегодня одинокие граждане приходят на *агору* только для того, чтобы побыть в компании таких же одиночек, как они сами, и возвращаются домой, еще более утвердившись в своем одиночестве» [3, с. 257]. «Единственное преимущество, которое может дать компания других людей с подобными проблемами, – уверенность каждого, что преодоление трудностей в одиночку – это как раз то, что делают все остальные, – что позволяет укрепить и еще раз поддержать ослабевающую решимость продолжать делать то же самое... Но прежде всего человек узнает в компании других, что единственная услуга, которую может оказать компания, – совет о том, как выжить в собственном безнадежном одиночестве, и что жизнь каждого человека полна опасностей, которым нужно противостоять и с которыми нужно бороться без посторонней помощи» [4, с. 43].

А. Лефевр считал, например, что отсутствие в городских пространствах спонтанной и органичной общественной жизни приводит к полной «приватизации» существования. Люди уходят в семейную, «приватную» жизнь. И такой уход, по его мнению, наблюдался повсеместно в последние годы в высокоразвитых индустриальных странах, там, где не ставились открыто и публично политические проблемы. «Форма существования людей в крупных городских ансамблях доводит до предела общую тенденцию. К несчастью, из-за большого количества детей и демографической структуры, свойственной новым городским ансамблям, из-за звукопроницаемости стен и перекрытий, из-за шума, из-за неумеренного потребления контролируемых “массмедиа” (особенно телевидения), играющих роль наркотиков, из семейной жизни исчезает интимность. Пропадает то, что в ней ищут. “Приватная” жизнь вязнет в промискуитете, исчезает в потоке шумов и поверхностной информации. Происходит драматическое превращение ее в “приватную жизнь” в самом крайнем смысле слова, иначе говоря в состояние лишения и фрустрации, которое терпят, подчиняясь своего рода общественному, человеческому оцепенению» [14, с. 23].

Как мы видим, современный человек живет в изменяющемся, неустойчивом мире, сталкиваясь с неопределенными жизненными ситуациями, ежедневно делая индивидуальный выбор, за осуществление которого он ответственен сам. Погрузившись в сферу частной жизни, человек как будто бы добровольно изолировал себя, оградил свою приватность, поскольку только пространство частной жизни, по его мнению, способно обеспечить ему спокойное и безопасное существование. Частная жизнь человека – это та сфера повседневности, которая протекает дома. Частная жизнь ограничена пределами дома и межличностными внутрисемейными отношениями и связана с понятием интимности.

Толковые словари так раскрывают понятие дома: дом – жилое здание, строение; квартира; свое жилье, а также семья, люди, живущие вместе, одним хозяй-

ством; хозяйство отдельной семьи [22; 19]. Дом является не только материальным объектом, собственностью, но также феноменом человеческой истории и культуры. Г. С. Кнабе писал, что «есть дело, которым люди заняты на протяжении их истории, это дело – организация жилого пространства. В нем человек реализует себя в своем неповторимо человеческом качестве. В расплывчатый хаос и текучую изменчивость природы, в своевольное нагромождение очертаний и форм волей и трудом врезает он устойчивые и “устроенные” очаги деятельной жизни – дом, двор, сад, улицу, площадь и город, стены, дабы можно было скрыться за ними от произвола природы и врагов, храм, дабы воздать благодарность богам, чьим изволением этот устойчивый очаг мог быть создан и сохранен» [9, с. 437].

Дом, по мнению Ю. М. Лотмана, является символом наиболее замкнутого, защищенного, «внутреннего» пространства. Создавая дом, человек тем самым отгораживает часть пространства, которая – в отличие от внешней сферы – воспринимается как культурно освоенная и упорядоченная [16, с. 507]. Упорядоченная, понятная, безопасная жизнь, отделенная от хаоса и чужих. Дом способен обеспечить безопасность человеку в его повседневной жизни, поэтому дом – коттедж или квартира – был и остается одной из основных ценностей повседневного существования человека. Как писала И. Андреева, «триада – автомобиль, КВАРТИРА, дача (тоже дом) – была и остается, вероятно, целью для очень многих и мечтой почти для всех бывших советских людей. Это есть и останется вещественным символом благополучия, благоустроенности и устойчивости в неразберихе наших, уже дважды случившихся в одном веке, послереволюционных крушений социальной структуры страны» [1, с. 113].

Исследователи быта современной России также отмечают, что дом, квартира, собственная недвижимая недвижимость как объект потребительских желаний имеют приоритетное значение. Отличительными чертами современного быта являются отдельная, хорошо отремонтированная квартира, наличие железной двери, наличие стеклопакетов на окнах. Дом или квартира являются приватным убежищем в противоречивом публичном пространстве. Окна, железные двери должны надежно укрывать жильцов от сложного внешнего мира [18, с. 200–201]. Кроме того, в настоящее время мы видим, как предпринимаются совместные действия владельцев домов, квартир, связанные с обустройством и организацией территории, не только непосредственно прилегающей к квартирам – подъезда, лестничных клеток, – но также пространства вокруг дома: дворов, тротуаров, зеленых зон. Все это направлено на обеспечение безопасности домашнего пространства и личной собственности. Жильцы совместными решениями ставят железные двери, домофоны и видеокамеры в подъезде, нанимают консьержей, огораживают дворовые территории и закрывают проезды к дому. И хотя все эти действия направлены на обеспечение безопасности и на пространственное отделение от социально «чужих», отделяют они и социально «близких»: родственников, друзей и знакомых. Но человек стремится не только к безопасности, но и к обособленности, он уходит в сферу своей частной жизни, в теплый, уютный дом, закрытый для внешнего мира; самостоятельно, как ему кажется, принимает решения и несет ответственность за свою собственную жизнь и жизнь членов своей семьи. З. Бауман, анализируя современность, отмечал: «Пребывать в доме, очевидно, тоже полезно. У людей, запертых в обычных кирпичных домах, время от времени может создаваться жуткое впечатление, что они находятся в тюрьме, а не в безопасной гавани; свобода улицы, манящая извне, так же мучительно недоступна, как сегодня часто бывает воображаемая безопасность предполагаемого дома. Однако если соблазнительная безопасность “у себя дома” проецируется на достаточно большой экран, то ничто “внешнее” не испортит веселья» [4, с. 115]. Процесс самоизоляции человека – это современная тенденция существования общества, это одна из характерных черт

нашей жизни. Период вынужденной самоизоляции, вызванный пандемией, который, на наш взгляд, должен иметь временный характер, не отменяет процессов обособления и добровольной самоизоляции человека.

Выше мы отмечали, что события, процессы, ежедневные действия и поведение человека, вызванные пандемией, уже приобрели характер привычности, стали типичными, поэтому именно они составляют сегодня повседневную реальность. Пусть вынужденную, временную, но наблюдаемую реальность: мы видим ставшее типичным поведение людей в общественных пространствах, на улицах и площадях, в местах работы и т. д. Но при этом не всегда видимой и наблюдаемой для нас остается та сфера частной жизни человека, которая связана с домом. Дом – это пространство частной жизни и пространство жизни семьи. В режиме вынужденной самоизоляции дом для большинства людей стал местом работы или учебы в режиме удаленного доступа. Дом, с одной стороны, стал местом, где происходит смещение и смешивание границ различных сфер жизни человека, где происходит возможное нарушение границ приватности не только внутри домашнего пространства, где члены семьи вынуждены разграничивать свои личные, ставшие рабочими, пространства (что неизбежно может порождать конфликтные ситуации); но нарушение границ приватности происходит и извне: мы как бы впускаем в свою частную жизнь людей, с которыми ведем дела, которых обучаем или у которых учимся и т. п., но вынуждены это делать, и не всегда добровольно.

С другой стороны, дом в период самоизоляции становится местом полного погружения в частную жизнь. Дом становится местом защиты человека от внешней опасности, местом заботы человека о себе, членах своей семьи и заботой о самом доме. Дом также становится местом и временем свободной самореализации человека. Но дом, оставаясь местом, защищающим человека от внешней опасности в течение очень продолжительного времени, способен «заточить» человека в своих безопасных, теплых и уютных объятиях. Дом – это крепость, все опасности остаются за его стенами. Страхи человека, всевозможные опасения, вызванные длительным пребыванием дома; переживание неуверенности, которая часто возникает из-за недостатка информации или ее недостоверности и противоречивости; отсутствие межличностной коммуникации, привычной и контактной: визуальной и тактильной, – все это способно порождать защитные психические процессы, такие, например, как агрессия, фрустрация, избегание и добровольное одиночество. Дом для человека в этом случае не перестает быть крепостью, но при этом может стать для него местом самозаключения.

События и процессы, вызванные пандемией COVID-19, такие как самоизоляция, вынужденное ограничение посещения общественных пространств (стадионы, театры, кинотеатры, концертные залы, музеи, галереи и пр.) и, особенно, мест, способных вызвать повышенную общественную активность; запрет на проведение публичных и массовых мероприятий – все это, на наш взгляд, еще глубже погружает человека в сферу частной жизни. Поэтому нам еще предстоит анализ последствий пандемии, повлиявших на повседневную жизнь человека.

Выход человека за границы частной жизни является необходимым условием существования и развития не только частной сферы, но и сферы публичной, т. е. повседневной жизни человека в целом,

То, что противостоит повседневности, подпитывает ее не только информацией, но и жизненной энергией, поэтому необходимо развитие общественной публичной сферы, общественных институтов. Также повседневность подпитывают, «можно предполагать, праздники, ритуалы, кризисы и катастрофы всякого рода, т. п. экстраординарные состояния бытия и сознания» [8, с. 72].

Литература

1. Андреева И. Частная жизнь при социализме. Отчет советского обывателя. – М. : Новое литературное обозрение, 2009. – 344 с.
2. Ахиезер А. С. Социокультурный словарь. – URL: www.philosophu.ru/edu/ref/soc/slov_ahiez.html (дата обращения: 20.08.2020).
3. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2005. – 390 с.
4. Бауман З. Текущая современность. – СПб. : Питер, 2008. – 240 с.
5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. – 96 с.
6. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социологос. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 39–41.
7. Дроздова А. В. Визуальные образы повседневности в современной медиакulturе : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 278 с.
8. Касавин И. Т., Щавелев С. П. Анализ повседневности. – М. : Канон+, 2004. – 432 с. – (Современная философия).
9. Кнабе Г. С. Древо познания – древо жизни. – М. : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. – 751 с.
10. Козьякова М. И. Публичное пространство: культура репрезентации (окончание) // Культура культуры. – 2017. – № 4 (16). – С. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/publicnoe-prostranstvo-kultura-reprezentatsii-okonchanie> (дата обращения: 14.02.2021).
11. Кондрашов П. Н., Любутин К. Н. Диалектика повседневности: Попытка марксистского анализа. – М. : Ленанд, 2015. – 168 с.
12. Королев С. А. Повседневность как эманация социальности: трансформации и тренды // NB: философские исследования. – 2013. – № 8. – С. 356–422. – DOI 10.7256/2306-0174.2013.8.709.
13. Кром М. М. Повседневность как предмет исторического исследования // История повседневности : сб. науч. работ / под ред. Б. И. Колоницкого. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге : Алетейя, 2003. – Вып. 3. – С. 7–14.
14. Лефевр А. Идеи для концепции нового урбанизма // Социологическое обозрение. – 2002. – Т. 2, № 3. – С. 19–26.
15. Лотман Ю. М. Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // ВикиЧтение. – URL: <https://culture.wikireading.ru/48702> (дата обращения: 14.02.2021).
16. Лотман Ю. М. Семиосфера. – СПб. : Искусство-СПб, 2010. – 704 с.
17. Манкевич И. А. Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации : монография. – СПб. : Алетейя, 2011. – 712 с.
18. Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности : колл. монография / под ред. Е. Здравомысловой, А. Роткирх, А. Темкиной. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 524 с. – (Труды факультета политических наук и социологии; Вып. 17).
19. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – URL: <http://ozhegov.info/slovar/?q=дом> (дата обращения: 14.02.2021).
20. Трубина Е. Г. Публика // Современный философский словарь / под общ. ред. д. ф. н. В. Е. Кемерова. – 3-е изд. – М. : Академический проект, 2004. – 864 с.
21. Урри Д. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. – М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 336 с. – (Социальная теория).
22. Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/word.php?wordid=13514> (дата обращения: 14.02.2021).
23. Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура Средневековья в отечественной медиэвистике // Одиссей: Человек в истории. – 1991. – С. 84–102.
24. Sztompka P. The Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // European Review. – 2008. – February. – Vol. 16 (01). – P. 23–37.

Elena Anatol'evna Kalistratova,

Postgraduate Studies Center' secretary, Senior Lecturer,
Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg).

Everyday Life of a Person in Self-Isolation

Abstract. The article examines changes that occur in the habitual life of people due to the COVID-19 pandemic. In the author's view, everyday actions and human behaviour caused by the pandemic have acquired the nature of everydayness, have become habitual, and are today routine. Special attention the author pays to the analysis of such concepts as everydayness, private life, communication forms of an individual's behaviour, home.

Keywords: everyday life; everyday life of a person; private life; privacy; home; self-isolation.